

Ю. З. Кантор

**«ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ»
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
ГОСЗАКАЗ И МУЗЕЙНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В 1941–1945-е ГОДЫ**

Обрушившаяся на СССР Великая Отечественная война, к которой в должной степени оказалось не готово, в том числе психологически, ни высшее руководство, ни население, в первые же дни выявила острую необходимость перестройки агитационно-пропагандистской работы. Потому на фоне привычных идеологем, прославляющих советский строй и мобилизующих на защиту социалистического отечества, появились иные – подчеркивающие историческую связь СССР с дореволюционной Россией, с ее полководцами и бывлой ратной славой.

Принято считать, что импульс этому направлению агитпропа, особенно на первых этапах Великой Отечественной, дало выступление И. В. Сталина 3 июля 1941 г., в котором глава государства предпринял экскурс в историю. Однако, как свидетельствуют документы, эту тему сделали доминирующей научные сотрудники советских музеев, причем самого различного профиля – от художественных до краеведческих. В отличие от непростительно долго молчавшего Верховного главнокомандующего музейщики вступили в диалог с народом – с посетителями, в том числе с теми, кому предстояло уходить на фронт, – немедленно, с первых же дней войны.

К теме героического прошлого и его неразрывной связи с настоящим как к актуальному патриотическому стимулу первым в стране обратился ленинградский Музей Революции (ныне – Государственный музей политической истории России). Работу над выставкой, посвященной ратным подвигам русского воинства, музей начал 24 июня 1941 г.¹ «В галерее Дворца искусств (бывший Зим-

¹ Научный архив Государственного музея политической истории России (далее – НА ГМП ИР). Д. 110. Л. 3.

ний дворец) музей революции открыл в воскресенье новую выставку «Героика великого русского народа». Выставка заканчивается материалами о великой отечественной войне со злейшим врагом человечества – немецким фашизмом². Двумя неделями позже эстафету от Зимнего дворца принял Музей истории религии: «В музее истории религии Академии наук СССР открылась новая экспозиция, посвященная героической эпопее русского народа – Отечественной войне 1812 года»³. В те же дни в Казани, в краеведческом музее, открылась выставка «Героическое прошлое русского народа» и ее передвижной вариант под названием «Били и будем бить»⁴ – для обслуживания призывных пунктов вне столицы Татарской АССР. (Заметим, выставка была создана без учета регионально-национального аспекта, что вскоре было замечено и исправлено музейщиками и лекторами.)

Директивное письмо Наркомпроса от 15 июля 1941 г. явилось первым «программным» ведомственным документом с начала войны, принятым в развитие указаний ЦК ВКП(б) и Советского правительства о перестройке всей деятельности государственных учреждений и общественных организаций на военный лад⁵. Письмо разъясняло, какими должны быть музейные экспозиции по идеологическому содержанию. (Разумеется, текст директивного письма пестрит цитатами из выступлений И. В. Сталина разных лет, которые рекомендовано взять как «эпиграфы» к разделам.)⁶ «Вся массовая и научно-исследовательская работа музеев должна быть подчинена интересам Отечественной войны с фашистскими мракобесами, задаче разгрома врага. Большое распространение должны были найти тематические экскурсии на темы: «Фашизм – злейший враг человечества», «Наше дело правое, мы победим», «Расовая “теория” фашизма» и др.⁷ Эту задачу музеям на первом этапе Великой Отечественной было крайне трудно выполнить: СССР после подписания пакта Молотова–Риббентропа отказался от антифашистской пропаганды, заменив ее вполне дружелюбной по отношению к Третьему рейху официальной риторикой.

² «Героика великого русского народа» // Ленинградская правда. 1941. 1 июля.

³ Выставка о героической эпопее русского народа // Там же. 1941. 14 июля.

⁴ Дьяконов В. М. Воспоминания о выставках военных лет // Музейное дело в СССР. М.: Изд-во «Советская Россия», 1976. С. 177.

⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 17–19.

⁶ Ко всем работникам музеев Наркомпроса РСФСР. С. 5.

⁷ Там же. С. 7.

По тому же принципу были построены объединенная экспозиция московских музеев «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», «Антифашистская выставка», развернутая в залах Государственного исторического музея в соответствии с приказом Наркомпроса РСФСР от 9 августа 1941 г.⁸ В ее создании принимали участие шесть музеев: Государственный исторический музей, Государственный музей революции СССР (ныне Государственный музей современной истории), Музей народов СССР, Государственные литературный, биологический и политехнический музеи, а также сотрудники НИИ краеведческой и музейной работы⁹. Открыть ее предполагалось 25 августа 1941 г., но из-за критической ситуации на фронте – войска вермахта в августе неудержимо рвались к столице СССР – работа над ней была на некоторое время приостановлена. Хотя и с месячным опозданием, но выставка все же открылась. Она состояла из 10 разделов, из которых только четыре относились непосредственно к ее теме. Также в соответствии с установками Наркомпроса на экспозиции появились и международные разделы: «Захватнические войны германского фашизма на территории Западной Европы», «Борьба народных масс против фашизма в оккупированных странах и в самой Германии», «Движение солидарности народных масс Англии, США и других стран с СССР», стенды, содержание которых до 22 июня 1941 г. показалось бы «контрреволюционным», – посвященные соглашениям СССР с Англией, Польшей и Чехословакией, установлению дружеских отношений между СССР и США¹⁰.

Подобные выставки открывались не только в столице, но и в других городах РСФСР. 19 октября, когда Москва была на осадном положении, Государственный исторический музей (ГИМ) представил план выставки «Оборона Москвы в 1941 г.». Уже через месяц готовившаяся выставка по понятным причинам была торжественно переименована: она получила название «Разгром немецко-фашистских войск на подступах к Москве»¹¹. А в Ленинграде, в Соборе Петропавловской крепости (тогда бывшей филиалом Музея Революции), была отреставрирована могила Петра I и организована выставка, посвященная его полководческой деятельности¹². На нее из призывных

⁸ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2692. Л. 45.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 50.

¹¹ Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 136.

¹² НА ГМПИР. Д. 116. Л. 64.

пунктов приводили новобранцев, уходивших на фронт. Изменение характера музейных выставок было связано не только с некоторым улучшением для советских войск положения на фронте, с прекращением повсеместного отступления и первой внушительной победой, но и успешным сбором материалов в ходе войны, которым музеи Москвы, Ленинграда и других регионов, включая глубокий тыл, начали заниматься задолго до появления соответствующих партийно-государственных директив.

В 1942 году силами музейщиков осажденного города, поддержанных в своей инициативе командованием Ленинградского фронта, в Доме Красной Армии им. С. М. Кирова была организована огромная выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», где экспонировались не только советские пропагандистские материалы, но и большое количество трофейного оружия, а также документы (карты, схемы и т. д.) и обмундирование, захваченные у противника¹³. Выставки трофейного оружия в 1942–1943 годов стали одним из самых популярных и эффективных методов наглядной агитации и пропаганды благодаря сильнейшему эмоциональному воздействию на зрителя.

В этот период тенденция изменения тематики выставок музеев менялась в сторону их актуализации. В блокадном Ленинграде, несмотря на чудовищные тяготы первой блокадной зимы, открывались художественные выставки – первая в марте 1942 г. С одобрения Горкома партии и Политуправления Ленфронта 12 июня 1942 г. открылась экспозиция, на которой было представлено более 200 работ. К ней были предъявлены более жесткие идеологические требования, нежели к первой: ленинградским властям нужна была «парадная версия» событий, востребованная «политическим моментом» и законами пропаганды. Произведения, посвященные трагическим сторонам блокадной повседневности, на данную выставку не попали (но, к счастью, сохранились в фондах городских музеев), поскольку это был своего рода «отборочный тур» для экспонирования в Москве, на выставке в ГИМе, где не должно было даже частично вскрыться истинное положение дел в Ленинграде.

В 1942 году среди обязательных к исполнению в выставочной деятельности музеев указаний Наркомпроса появилось директивное письмо «Об использовании сводок Советского Информационного бюро в выставочно-экспозиционной работе». Документ обязывал

¹³ Павлова С. Д. В героические дни обороны Ленинграда: (О работе Ленинградского государственного Музея Революции) // Работа музеев РСФСР в условиях военного времени. М., 1943. С. 74.

каждый музей вывешивать последние, «сегодняшние», сводки Советского Информбюро. Очевидно, что это указание имело практическую идеологическую цель – на основе сводок, являющихся единственным, официально разрешенным источником новостей обо всех важнейших событиях военной поры, создать унифицированное информационное пространство.

Говоря о музеефикации и мемориализации Великой Отечественной, нельзя не упомянуть о двух знаковых событиях 1942 года – об открытии уникальных музеев. Сам факт появления новых музеев в труднейший период войны знаменателен, а их гуманистическая направленность символична: почти одновременно, соответственно 25 октября и 12 ноября, были созданы музей А. В. Суворова в с. Кончанское Ленинградской области (с 1944 г., с образованием Новгородской области, с. Кончанское входит в ее состав) и Военно-медицинский музей в Москве (в марте 1945 г. было принято решение о его переводе в Ленинград, где музей заново открылся в 1947 г.).

Важным шагом в научно-практическом освоении темы музеефикации событий войны стало Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны, разработанное по поручению Наркомпроса РСФСР Научно-исследовательским институтом краеведческой и музейной работы в конце 1942 года¹⁴. 1943 год стал годом «коренного перелома» в Великой Отечественной войне, и Наркомпрос публикует серию документов как рекомендательного, так и подытоживающего характера. Наиболее важные из них – «Основные вопросы музейно-краеведческого дела: пособие для работников музеев» и «О дальнейшем развитии музейно-экспозиционной работы по тематике Великой Отечественной войны». В тот же период Наркомпрос в тандеме с Управлением агитации пропаганды ЦК ВКП(б) проводит в Москве несколько совещаний и конференций с музейщиками освобожденных и тыловых регионов РСФСР, посвященных как реставрационно-восстановительной работе, так и актуальным экспозиционным задачам. Впервые не только высказана музейщиками, но и официально одобрена идея создания в краеведческих, историко-революционных музеях постоянно действующих разделов (экспозиций), посвященных Великой Отечественной, в которых наряду с местным материалом предписывалось показывать общий ход войны¹⁵.

¹⁴ Коробков Н. М. Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны (для музеев и краеведческих организаций). М., 1942. С. 9–11.

¹⁵ Маневский А. Д. Указ. соч. С. 12.

Характерно, что ни в одном из изученных директивных документов, инструкций, информационных брошюр или стенограмм совещаний, проведенных под эгидой Наркомпроса в 1943–1944 годах, нет тем, которые с освобождением от оккупации значительной части территории РСФСР должны были приобрести колоссальное значение: судьба советских военнопленных и коллаборационизм советских граждан, а также холокост. Увы, эти драматические сюжеты так и остались «фигурой умолчания» не только во время войны, но и многие десятилетия после нее. Не менее примечательным является тот факт, что «белым пятном» в музейном освещении войны осталось и открытие Второго фронта.

К 1943 году государством была осознана не только необходимость сохранения материалов о великой Отечественной, но и их изучения. Существенной была и установка о выявлении и принятии на государственную охрану «памятных зданий и памятных мест, связанных с освободительной войной советского народа и ее героями». Уделялось внимание и устной истории: «Музей должен организовать систематическую запись рассказов земляков-очевидцев и участников исторических событий»¹⁶. (Публикация и экспонирование последних разрешались только после утверждения местными парторганами и впоследствии в значительной степени выродились в «завторство», когда участию событий предлагалось озвучивать уже подготовленный текст.)

Осознание на высшем уровне де-факто шло вдогонку деятельности музеев, понявших свою миссию с первых часов и дней войны. Однако государственные установки, сформулированные к этому времени, в значительной мере сужали поле музейной собирательской, научной и экспозиционной деятельности. Им предписывалось «воссоздать картины патриотического подъема в стране и данном крае, военных действий и жизни фронта, партизанского движения, подвигов героев Советского Союза, героики тыла, всеобуча, МПВХО, донорства, патронирования сирот, славных дел юных тимуровцев <...>, отражать участие данного края в обороне страны, в выполнении приказов т. Сталина, собирать также материалы, рисующие звериный облик врага, его гнусные преступления, разложение, разгром гитлеровских оккупантов»¹⁷. Как видим, акцент сделан исключительно на пропаганде позитивных, успешных аспектов хода войны и схематично «прорисованных» чертах противника. Именно с этого времени окончательно уходят в тень, а точнее в запасники (а порой,

¹⁶ Маневский А. Д. Указ. соч. С. 12.

¹⁷ Там же. С. 11.

и уничтожаются), собранные музейщиками экспонаты и документальные материалы, связанные с первым, трагическим, этапом Великой Отечественной, ибо резюмирующей стала идеологема, сформулированная Управлением политпросветработы Наркомпроса: «Надо немедленно приступить к созданию новых экспонатов, *отражающих героизм фронта и тыла* (курсив мой. – Ю. К.). Делом чести каждого музея является построение постоянной экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне».¹⁸ Так, уже во время войны был задан алгоритм «стирания» из исторической памяти всей многогранной истории Великой Отечественной войны, включавшей не только героические, но и трагические страницы.

Тенденция цензурирования творческого отображения действительности, в том числе в музейной сфере, как ни покажется парадоксальным, нарастала пропорционально успехам на фронте. И наиболее ярким (но отнюдь не исключительным) примером в этом отношении служит история открывшейся в Сталинградском драмтеатре (одном из немногих сохранившихся в городе зданий) в марте 1945 года выставки сталинградских художников. На ней были представлены 38 живописных произведений пяти авторов. И хотя эти картины были выполнены в разных жанрах, их объединяло одно – они являлись отражением образа восстающего из руин города. Художников обвинили в «воспевании руин», «смаковании разрухи <...> отсутствию в картинах “ощущения Победы”, что в свою очередь шло “от недостаточной политической подготовки, отсутствия у них знаний основ марксизма-ленинизма”»¹⁹. Вызавшая огромный интерес сталинградцев, выставка немедленно была свернута.

«Выставка “Героическая оборона Ленинграда” создавалась по свежим следам событий, можно сказать единым дыханием, на высоком душевном подъеме. Она включала подлинные документы, живые материалы, трофеи, значение которых было огромно в те дни <...>. Она <...> объединила в себе точность исторической достоверности с сильнейшим эмоциональным воздействием. Кто видел ее – никогда не забудет»²⁰.

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Галкова О. В., Савицкая О. Н., Саркулова В. П. Выставка Сталинградских художников 15 марта 1945 г.: к проблеме сохранения художественного культурного наследия // Сталинградская битва: историческая память и художественное наследие: К 70-летию разгрома фашистских войск под Сталинградом: всероссийская науч.-практич. конф. Волгоград, 13–14 ноября 2013 г. / отв. ред. Е. В. Огаркова. М.: Планета, 2013. С. 208.

²⁰ Тихомирова М. А. Памятники. Люди. События: Из записок музейного работника. Изд. 2-е, доп. Л., 1984. С. 77–78.

Ленинградские Горком и Горисполком в марте 1944 года разрабатывают документы о преобразовании выставки в музей «Героическая оборона Ленинграда». (Тогда же у музейщиков, создававших выставку, возникла идея сохранить как памятники ДОТы в черте города.) Открывшийся после снятия блокады Ленинграда уникальный музей стал жертвой «Ленинградского дела» в 1949 году. «Маленков, а вслед за ним и новый секретарь горкома и обкома партии Андрианов, размахивая нашим путеводителем (по музею. – Ю. К.), кричали: “Свили антипартийное гнездо! Создали миф об “особой” блокадной судьбе Ленинграда. Принизили роль великого Сталина...”»²¹ Практически вся его уникальная коллекция была уничтожена. Вместе с руководителями Ленинграда были репрессированы директор и значительная часть сотрудников музея. Музей был вновь открыт лишь 40 лет спустя. Ныне он занимает два из 18 ранее принадлежавших ему залов, не имея возможности достойно представить частично воссозданные прежние и появившиеся за четверть века после второго открытия фонды.

Еще одним символичным явлением в последний год Великой Отечественной войны стало создание выставки Карельского фронта, посвященной победе наших войск на р. Свирь и освобождению Советской Карелии. Она занимала территорию в 30 га. Здесь были сохранены и укреплены во избежание разрушения от времен советские оборонительные укрепления. Как и Музей обороны и блокады, он был расформирован вследствие «Ленинградского дела» и восстановлен как парк памяти филиал Лодейнопольского краеведческого музея (Ленинградская область) лишь в постсоветское время.

Государственная политика в сфере музеефикации и мемориализации событий Великой Отечественной к 1943–1944 годам приобрела вполне сложившиеся очертания. Помимо акцента на глорификацию событий войны с освобождением от нацистской оккупации «братских республик» – Латвии, Литвы и Эстонии, со стремительным перемещением боевых действий за территорию СССР и победоносным наступлением Красной Армии на запад актуализируются сюжеты международного положения нашей страны и, следовательно, геополитических событий, предшествовавших Великой Отечественной. В этом смысле образцовой является концепция выставки «Красная Армия в боях с немецко-фашистскими захватчиками» в Центральном музее Красной Армии, утвержденная Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) с подачи Главного политуправления РККА. К ее организации были привлечены Генеральный штаб Красной ар-

²¹ Ленинградцы. Блокадные дневники... С. 561.

мии, Главное и Центральное управления Наркомата обороны, Наркомат военно-морского флота, Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР, Всесоюзный комитет по делам кинематографии при СНК СССР, ТАСС, Институт марксизма-ленинизма и, едва ли не впервые за всю войну в музейной практике, Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Академии наук Союза ССР²².

Ей отводилась роль «хрестоматии» по официальной версии актуальной истории. Тем более важно обратить внимание на то, что помимо традиционно освещаемых разделов, посвященных ключевым военным событиям и операциям, в число основных тем были включены и геополитические сюжеты предвоенного (применительно к СССР) времени. Вот основные из них: «Мирная политика советского правительства. Т. Сталин о внешней политике Советского Союза. Советско-германский договор от 23 августа 1939 года и его значение для СССР. Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. Договор между СССР и Финляндией о ненападении. Добровольное вступление Литвы, Латвии и Эстонии в СССР. Мирное разрешение советско-румынского конфликта о Бессарабии. Карта – итоги боев в Финляндии, обеспечение безопасности города Ленина. Документы о добровольном вступлении Литвы, Латвии, Эстонии»²³.

Итак, на основании архивных источников и историографии советского и постсоветского времени можно реконструировать этапы государственной политики по музеефикации событий войны и ее музейного воплощения. Собственно, эта политика приобрела системные очертания спустя год-полтора после начала Великой Отечественной. До того момента партийно-государственное руководство посылало лишь ситуативные «импульсы», направленные на усиление агитационно-пропагандистской патриотической работы.

Главным приемом этой работы в указанный период стала апелляция к патриотизму, причем впервые после 1917 года в неразрывной связи с дореволюционной историей. Тогда же государство вынужденно пыталось посредством «перестановки» акцентов разрушить многолетние устойчивые стереотипы массового сознания о внешних «друзьях и врагах».

Вместе с тем нельзя не отметить, что уже в этот тяжелейший период война советского народа воспринималась как судьбоносное, до-

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 219. Л. 45.

²³ Там же. Л. 48–49.

стойное вечной памяти событие. Хотя документальное и предметное «обеспечение» этой памяти пока являлось делом профессиональной ответственности музейщиков, а не задачей государственной важности. И сотрудники музеев РСФСР, несмотря на колоссальные трудности, в большинстве своем эту задачу выполнили. С переломного 1943 года, после победы в Сталинградской битве, Наркомпрос и Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) детализировали и обобщали подходы к музейной работе. В 1943–1945 годы принимались важные, профессионально и ситуационно оправданные документы, идеологически систематизирующие сбор экспонатов – памятников войны, создание экспозиций и временных выставок, посвященных различным этапам войны, изменениям международных отношений, развивающие военное краеведение и т. д.

Однако одновременно формировался «госзаказ» на глорификацию событий войны, создание «безупречного и безошибочного» образа власти, олицетворенной И. В. Сталиным, замалчивались трагические страницы военной истории, – страницы, без которых в полной мере не понять и не прочувствовать цену великой Победы.